

ОПТИМАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ОДНОЙ ИЗ ЗЕМНЫХ ПОПУЛЯЦИЙ

1.

Популяция, согласно последнему энциклопедическому словарю (от латинского *populus* — «народ»), в биологии — совокупность особей одного вида, длительное время занимающая определенное пространство и воспроизводящая себя в течение большого числа поколений. Пока что человечество полностью подходит под это определение, как и все существующие устойчивые разновидности растительного и животного мира планеты. Устойчивые — потому что цель, суть и смысл жизнедеятельности каждой популяции есть воспроизводство поколений.

Известно, однако, что время от времени возникают новые популяции (например, вирус СПИДа), а еще больше разных быстро вырождающихся мутантов. Но основная тенденция — по меньшей мере последнего столетия — нарастающее сокращение числа популяций, главным образом, по вине человека. Это приводит к обеднению земной флоры и фауны, уменьшению степени ее устойчивости и в конечном счете грозит катастрофическими последствиями («коллапс земных популяций»). Самое огорчительное, что в число популяций, имеющих тенденцию к исчезновению, попадает главный враг всех остальных земных популяций — человечество (этот феномен обозначается термином «депопуляция», означающим вырождение, выморочность той или иной популяции).

Механизм депопуляции человечества раскрыт сравнительно недавно (в 90-е гг. XX в.) достаточно полно и основательно. В его основе лежит массовое нарастающее переселение миллиардов людей из деревни в город с переходом от сельского к городскому образу жизни.

В деревне население делится на две неравноправные категории. С одной стороны, отцы и матери

семейства. С другой — бесправные «чада и домочадцы», почти наравне с прочей домашней живностью. Естественно стремление молодежи выбиться из второй категории в первую. А выбившись — иметь как можно больше детей. По трем причинам: одной объективной, двумя субъективными.

Объективная причина крылась в очень высокой детской смертности. Часто бывали времена и случаи, когда до собственной свадьбы доживал лишь один из четверых родившихся. Поэтому низкая рождаемость означала гибель популяции (отдельно народа, племени, села.)

Одна из субъективных причин носила экономический характер. Ребенок с трех лет был помощником. Подросток с десяти лет — заместителем родителя по управлению хозяйством и малышней. Затем в своей собственной семье он оставался полузабытой ныне «родней» — надежным союзником во всем на всю оставшуюся жизнь. Наконец, под старость это была единственно возможная «живая пенсия» за неимением никакой иной.

Другая причина имела социально-престижный характер. Бездетность приравнивалась к тяжелой болезни, считалась величайшим несчастьем. И даже женщина с одним-двумя детьми выглядела ущербно, как инвалид после одних-двух родов. Во всех случаях бездетность и малодетность означали по сравнению с многодетностью низкий престиж семьи.

Основную нагрузку в воспроизводстве поколений несли полностью здоровые женщины. Их всегда было меньшинство, но меньшинство весомое: десятки процентов. Они рожали обычно по 10–20 детей. И хотя большинство родившихся, как уже говорилось, умирало в детском и подростковом возрасте, все равно на смену каждому двум родителям в следующем поколении в среднем приходило трое-четыре. Так что рост населения шел даже при периодическом голоде, постоянных эпидемиях и войнах.

Игорь Васильевич Бестужев-Лада — почетный президент Международной Академии исследований будущего, доктор исторических наук, профессор

Важно добавить, что многие женщины тоже рожали, как правило, нескольких детей и по меньшей мере воспроизводили себя с мужем в следующем поколении. Старые девы, прислуга, бездетные и малодетные составляли считанные проценты — величину, которой, как считается, можно пренебречь.

В городе — прежде всего, в крупном — складываются прямо противоположные условия жизни. Никого не интересует твое семейное положение. Зато женатым труднее выбиваться в люди, а уж ребенок — даже один! — обуза, очень осложняющая жизнь отцу и напрочь ломающая карьеру матери. Подросток органически не может быть «родительским заместителем» и протестует как может против своего уравнивания с «детьми до 16 лет». Даже создав собственную семью, он уже все чаще не «родня», а вполне чужой человек, обрекающий родителей на одинокую старость.

Видя такое положение, молодежь не спешит сочетаться браком. В странах, первыми перешедших к городскому образу жизни (примерно полтора млрд населения, включая Россию, из 6,5 млрд землян), подавляющее большинство молодежи 18–25 лет — оптимальный возраст обзаведения детьми — как правило, довольствуются простым сожителем (конкубинатом, естественно, без детей). Либо вступают в брак, но быстро разводятся, все реже оставляя хотя бы одного ребенка. После 25 лет, когда, как говорится, человек более или менее «встал на ноги» и начал осознавать ужас грядущего одиночества, большинство все же вступает в брак. Но каждая пятая семья остается вынужденно (из-за последствий абортов или аналогичных причин) либо сознательно бездетной. А подавляющее большинство остальных ограничивается одним ребенком. Двух-трехдетная семья становится в крупном городе все более редкой «многодетной» экзотикой. В конечном счете, при таких условиях двух родителей в следующем поколении сменяют в среднем не трое-четверо, а всего один человек, что ведет к двум крайне негативным последствиям.

Первое из них — вырождение. При сельском образе жизни в многодетных семьях выживали, как правило, наиболее здоровые дети, которые и передавали свою генетику следующим поколениям. В однодетной городской семье может выжить даже почти нежизнеспособный ребенок — было бы удовлетворительное медицинское обслуживание. Но каковы будут его собственные дети? И вот мы видим трагический результат. Полностью здоровых осталось меньше 5%. И даже так называемых «практически здоровых» (то есть с каким-то ущербом по части здоровья) — не более 20–25%. Все остальные — «хроники» (хронические болезни уха-горла-носа, зрения,

позвоночника, пищеварительного тракта, урологические и гинекологические заболевания), причем все чаще еще с подросткового возраста! И это не говоря уже об искусственном торможении в однодетной семье нормального процесса взросления, в результате чего массово появляются инфантилы, которым в 15 лет по уровню сознательности дашь не более десяти, и даже в 25–30 лет — не более 15–16-ти.

Какое потомство оставят они в следующих поколениях? И оставят ли вообще?

Второе последствие — *выморочность*.

Коль скоро смертность превышает рождаемость, и двух родителей в следующем поколении сменяет всего один, то, теоретически говоря, популяция каждые 25–30 лет должна сокращаться вдвое. То есть, всего за несколько поколений, — до нуля включительно.

Практически процесс идет медленнее (увеличивается средняя продолжительность жизни стариков, вносит свои поправки миграция). Но все равно для народов, уже перешедших к городскому образу жизни, XXI, максимум XXII в. не может не стать последним. Это относится целиком к западной и евразийской цивилизациям (включая Россию).

Положение осложняется тем, что к городскому образу жизни успели перейти, как мы уже говорили, не более 1,5 млрд из 6,5 млрд землян. Остальные лишь начинают такой переход разными масштабами и темпами. В ближайшие два-три десятилетия, пока этот переход в общем и целом не завершится, мы получим в странах Азии, Африки, Латинской Америки еще 2–3 млрд прироста просто по инерции, даже при значительном снижении рождаемости. Безусловно, конец ожидается тот же самый — разве что со сдвижкой еще на век-полтора вперед. А на протяжении нескольких поколений, разделяющих эти рубежи, неизбежна борьба растущих миллиардов «за место под солнцем». Сейчас она только начинается в виде «международного терроризма» или Четвертой мировой войны между бедным Югом и богатым Севером, если считать Третьей мировой продолжающуюся «холодную» войну между НАТО (США) и Россией. Но демографический напор перенаселенных регионов планеты на пустующие города и веси Запада и Евразии неизбежно придаст этой борьбе драматические масштабы.

Самое же главное: при существующих условиях на протяжении ближайших веков (одного века, двух?) гибель человеческой популяции в ее настоящем виде неизбежна. Вопрос сводится лишь к тому, можно ли начинающуюся депопуляцию приостановить (преобразовать). И если да, то на каком именно оптимальном рубеже (в каком именно оптимальном виде).

2.

Коль скоро популяция — это совокупность особей определенного вида, воспроизводящая себя в течение большого числа поколений, у нее не может не быть определенного численного минимума, максимума и оптимума (по заранее заданным критериям).

Минимум определяется минимальным числом особей, способных обеспечивать на протяжении достаточно длительного времени нормальное воспроизводство поколений. Генетика убедительно показывает, что это не может быть порядок единиц или даже десятков: инцест обязательно приведет к выморочности или ассимиляции такой «мини-популяции» за несколько поколений. И даже порядок сотен или тысяч может поддержать жизнеспособность популяции на достаточно продолжительном отрезке времени лишь в исключительно редких, особо благоприятных для нее случаях. Большой частью «мини-популяции» вытесняются более многочисленными: порядка десятков и сотен тысяч или даже миллионов (в мире вирусов — даже миллиардов) особей.

Максимум определяется особенностями биоценоза — совокупности живых организмов на данном участке земли, точнее, местом, которое удалось завоевать той или иной популяции в борьбе за существование разных видов растительного и животного мира нашей планеты. Выход за рамки максимума обычно ведет к «перенаселению», возрастанию сопротивления окружающей среды и соответствующему сокращению чрезмерно возросшей популяции, иногда вплоть до ее исчезновения.

Моделью в данном случае может служить заболевание гриппом. Вирусы гриппа быстро размножаются в носоглотке человека, происходит «перенаселение», и они либо гибнут сами (даже если грипп не лечить), либо губят человека и погибают вместе с ним. Человечество, конечно, не грипп. Но и то, и другое — популяции. И при всей специфике каждой из них судьба всех в общем и целом одинакова.

Оптимум в каждом данном случае представляет собой величину, среднюю между минимумом и максимумом, при которой популяция оказывается в наиболее благоприятном положении — прежде всего, в смысле нормального воспроизводства поколений, не допускающего ни «выморочности», ни «перенаселения».

Популяции ближайших предков человека — человекообезьян и обезьянолюдей (питекантропов) — исчислялись, по данным научных исследований, порядком сотен тысяч, может быть, миллионов особей. Первоначально немногим более была и численность популяции человека разумного. По данным антропологии, к концу древнего каменного века —

палеолита (примерно 15–16 тыс. лет назад) она составляла, по очень приблизительной оценке, около 3 млн человек. Но и они успели освоить около трети земной поверхности, пригодной для проживания.

Переход от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию, начавшийся на Ближнем Востоке около 10 тыс. лет назад, резко увеличил масштабы и темпы роста народонаселения. В древних цивилизациях Египта, Месопотамии, Индии и Китая плотность населения в наиболее густо населенных районах приблизилась к современной. 4–5 тыс. лет назад население Земли почти удесятирилось (ориентировочно выросло до 25 млн человек), а спустя тысячу лет удвоилось и продолжало расти. К этому времени человеком была освоена практически вся земная суша (кроме Антарктиды)

Ко времени начала нашей эры (Рождества Христова) численность населения Земли составляла примерно 170 млн человек. Спустя 1000 лет это число возросло до 265 млн, а спустя еще 500 лет — до 425 млн. В Средние века темпы роста замедлились. В некоторые века в некоторых местностях он вообще приостанавливался. Причинами были эпидемии (уносившие в отдельных районах до четверти и более населения), периодический голод (столь же большие потери) и беспрерывные войны (в некоторых из них погибало большинство населения). Тем не менее к XVIII в. численность населения земного шара превысила 600 млн человек, а к XIX в. начавшаяся промышленная революция приблизила ее к миллиарду.

Такой значительный, но вполне нормальный рост продолжался до середины прошлого века. В 1900 г. народонаселение земного шара перевалило за 1,5 млрд человек. А в середине XX в., сразу после окончания Второй мировой войны, произошел «демографический взрыв» (начало развала мировой колониальной системы, рост миграций и товарооборота, в том числе медикаментов, взрывообразное распространение санитарии и гигиены, резкое падение детской смертности, рост мирового населения почти на миллиард каждое последнее десятилетие с неизбежной инерцией еще как минимум на два-три ближайших десятилетия). Потенциальные женихи и невесты уже родились, и их брачное поведение можно было предсказать с большой точностью.

Остается вычислить оптимум, на котором желательно было бы приостановить губительный процесс депопуляции после того, как спадет «инерционная волна» роста последних десятилетий — этот своего рода «демографический нарыв» второй половины XX — первой половины XXI в. Регулирование описанного процесса видится в плане средств конструктивной демографической политики. Подразу-

меваются минимизация многодетных и малодетных семей с упором на «среднедетность» (система стимулов, позволяющих рассчитывать в среднем на два-три ребенка от каждой женщины 18–45 лет.) В основе такого вычисления, на наш взгляд, должна лежать оптимальная величина «нагрузки» данной популяции (не только человеческой) на окружающую среду, на земной биоценоз в целом.

При этом следует отрешиться от погони за количеством, исходя из ложного принципа «сколько голов — столько (якобы) и умов». К.Э. Циолковский, исходя именно из этого принципа, мечтал о триллионе с лишним. Некоторые его последователи — уже в масштабах Солнечной системы — об еще более высоких порядках. Не стоит, однако, забывать, что жизнеспособность каждой популяции определяется не столько ее количеством, сколько ее качеством. Не секрет, что 9/10 даже современного человечества ведут чисто животный или, если угодно, чисто растительный образ жизни. Поэтому сколько именно людей будет на Земле (в пределах жизнеспособности популяции), не имеет значения. Важно, чтобы качество популяции было максимально возможно высоким. Измерять качество придется с учетом уже начавшегося перехода человечества в качественно новое состояние, где решающую роль будет играть не количество человеко-единиц, а энергетический потенциал их упорядоченных информационных сетей (типа Интернета). При этом следует учитывать, что даже 10-миллиардную нагрузку человеческой популяции земной геобиоценоз не сможет долго выдерживать без далеко идущих негативных последствий.

С учетом сказанного выше представляется целесообразным присоединиться к оценкам тех демографов и антропологов (И.А. Ефремов и др.), которые склоняются к оптимуму земной человеческой популяции в диапазоне от 200–300 до 700–900 млн чел. (в зависимости от того, какие критерии оптимума закладывать в основу). Повторяем, что речь идет не об уничтожении людей, а о приостановлении уже начавшегося процесса вырождения и вымирания человечества.

Практически, чисто ориентировочно, это может быть уровень примерно сотни миллионов человек на каждый из восьми основных цивилизационных регионов мира — субцивилизаций Северной и Латинской Америки, Западной и Восточной Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, наконец, Африки южнее Сахары. Разумеется, этот сугубо абстрактный ориентир (имеющий лишь одну привлекательную сторону — «всем поровну») может и, наверное, должен быть скорректирован в ту или иную сторону в зависимости от конкретных обстоятельств.

Важно иметь в виду, что десяток миллиардов людей на земной поверхности — это примерно то же самое, что десяток миллиардов слонов, львов, крокодилов, только гораздо гибельнее для биогеоценоза. Это временная аномалия, нечто вроде «антропологического нарыва» на несколько поколений, который раньше или позже должен будет либо катастрофически «лопнуть» (с миллиардами жертв или даже с гибелью человечества в целом), либо постепенно «рассосаться», стабильно установившись на порядок ниже.

3.

Мы специально подчеркнули тезис о том, что речь идет не об «уничтожении» какой-то части человечества, а о «приостановлении» его начавшегося исчезновения на каком-то оптимальном уровне.

Как конкретно это может выглядеть?

На наш взгляд, необходимо отрешение от господствующей ныне псевдогуманности, поворот к гуманности подлинной, настоящей. В условиях начинающейся накатываться лавины бездетности

Генофонд человечества должен быть сохранен в тех пропорциях, в которых он сложился столетие назад, до начала «демографического взрыва», в условиях нормального развития человеческой популяции

следует создавать стимулы для рождения стабильно постоянного числа детей, полноценных физически и психически. Должно быть признано антигуманным сохранять жизнь заведомо нежизнеспособному потомству. Мало того, должно быть признано право на добровольный уход из жизни тех, кто устал от нее или не нашел себе места в ней. В мире «демографического оптимума» не должно быть места для «лиц без определенных занятий», не говоря уже о криминале.

При таком подходе возникает одна сложность, которую необходимо преодолеть. Дело в том, что одни народы придают большее значение воспроизводству поколений, другие — меньшее. Это способно временно привести к расширенному воспроизводству одних народов за счет исчезновения других. Результат будет ужасен. Достаточно представить будущее человечество, состоящее из одних только русских или китайцев или любого другого народа, чтобы назвать такую популяцию любым другим именем, кроме человеческого.

Решение этой проблемы представляется простым. Генофонд человечества должен быть сохранен в тех пропорциях, в которых он сложился столетие назад, до начала «демографического взрыва», в условиях нормального развития человеческой популяции. ■